

**Александр Гарцев**



**Право на рассвет**

Александр Гарцев  
**Право на рассвет**

«Автор»

2026

## **Гарцев А.**

Право на рассвет / А. Гарцев — «Автор», 2026

Роман известного сетевого писателя Александра Гарцева «Право на рассвет» — это история о взрослой любви, о второй молодости и о том, что никогда не поздно начать жить заново. Это роман для тех, кто боится перемен. Для тех, кто устал быть тенью. Для тех, кто ищет себя и мечтает о настоящем счастье. Этот роман — о женщине, которая решилась на побег. О том, как Сочи, море и случайная встреча с добрым незнакомцем меняют всё. О том, как трудно быть счастливой, когда тебя учили только быть «приличной». И о том, что любовь можно найти не на стороне, а внутри себя — и тогда всё становится возможным. — "Не в том счастье, чтобы найти кого-то, кто сделает тебя счастливой. А в том, чтобы найти себя и позволить себе быть счастливой. Даже если для этого нужно разрушить всё, что строила за эти годы." —

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

Глава 1. Приличный юбилей	5
Глава 2. Антресоли	8
Глава 3. Незванный рейс	11
Глава 4. Лобби и ультрамарин	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

# Александр Гарцев

## Право на рассвет

### Глава 1. Приличный юбилей

Ресторан «Прага» на Арбате пах так же, как и двадцать лет назад — дорогим деревом, чуть приторным кондитерским кремом и деньгами, которые не принято считать вслух. Галина Аркадьевна Воронцова вошла в банкетный зал на секунду позже мужа, и этот миг позволил ей увидеть его со стороны: плотный, короткостриженный затылок, идеально выглаженный воротник рубашки, чуть шире плеч, чем нужно, пиджак от Бриони. Виктор Павлович уже держал в руке бокал с минеральной водой и кивал кому-то из членов правления, не оборачиваясь.

— Проходи, Галина Аркадьевна, не стой в проходе, — бросил он через плечо, даже не повышая голоса. — Там у второго столика наши места. Сбоку, не в центре.

«Сбоку, не в центре», — повторила она про себя, машинально поправляя складку на платье. Серо-голубой шёлк, длинное, без декольте, рукав-три четверти. Приличное платье. Приличная женщина сидит сбоку от приличного мужа на приличном юбилее приличных людей.

Юбилей был у Володи и Светы Кораблёвых. Пятьдесят лет совместной жизни. Галина помнила их свадьбу — скромную, в заводском ДК, где они с Виктором уже тогда были «старшими товарищами», потому что Витя успел получить квартиру и должность. Света плакала от счастья, а Володя весь вечер держал её за руку так, что у той побелели пальцы. Галина тогда подумала: вот оно, настоящее. Сейчас она смотрела на ту же Свету, которая поправляла Володе галстук и шептала ему что-то на ухо, и не могла понять, откуда в этой шестидесятилетней женщине столько живости.

— Ты смотри, Светка-то наша — как кинозвезда, — сказала рядом Зинаида Матвеевна, коллега из бухгалтерии, и её леопардовая блузка ярко вспыхнула в свете хрустальных люстр. — И Володька не отстаёт, стихи ей читает. А ты, Галочка, сидишь, как в музее. Улыбнись, дорогая!

Галина улыбнулась — той правильной улыбкой, которая касалась только губ, не доходя до глаз. Она видела, как Кораблёвы принимают поздравления. Володя каждый раз целовал жену в висок, и Света смеялась, отстраняясь, будто он всё ещё молодой и дерзкий. А Виктор сидел рядом и изучал меню, будто предстояло утвердить смету на квартал.

— Галина, — сказал он, не поднимая глаз, — возьми мне салат с креветками, но без авокадо. И проверь, чтобы соус был отдельно. У этих ресторанов манера заливать всё майонезом.

— Хорошо, Виктор Павлович, — ответила она, и голос прозвучал ровно, как докладная записка.

Она подошла к фуршетному столу. Пальцы дрожали, когда она брала тарелку, и она одёрнула себя: прилично. Всё должно быть прилично. Но когда она увидела, как Света Кораблёва, принимая цветы, случайно уронила на пол алую розу, а Володя мгновенно нагнулся, поднял её и, вместо того чтобы отдать обратно, бережно вложил ей в ладонь, при этом задержав руку жены в своей — Галина почувствовала, что внутри что-то оборвалось.

Она поставила тарелку обратно на стол и вышла в холл, к высоким зеркалам в резных рамах.

В отражении стояла женщина с идеальной причёской, седые волосы уложены в аккуратный пучок, жемчужные серьги — подарок на тридцатилетие брака, туфли на низком каблуке, потому что Виктор не терпел, когда она была выше его. Женщина казалась картиной, приклеенной к стеклу. Ни морщинки на лбу, ни складочки у рта — всё заглажено многолетним тер-

пением. И только глаза — серые, выцветшие, как старый асфальт после дождя — смотрели на неё с такой тоской, что Галина поспешно отвела взгляд.

Она вернулась в зал, когда уже раздавали шампанское. Виктор стоял у столика и разговаривал с каким-то партнёром по бизнесу. Увидев её, он коротко спросил:

— Ты где была? Тост пропустила. Я сказал за тебя «за здоровье». Сядь уже, не суетись.

Она села. Рядом с ней плюхнулась Зинаида Матвеевна и зашептала в ухо:

— Галочка, я видела, ты выходила. Ты чего? Ревнуешь, что ли? Да брось, Витька твой — кремень, ни на кого не смотрит. Весь в работу ушёл. Но ты, смотри, не закусай. Я вон вчера в «Магните» себе пальтишко норковое присмотрела, дочке пришлю фото, пусть завидует. А тебе бы тоже обновку, а? Что ты всё в сером?

— Мне это цвет идёт, Зинаида Матвеевна, — вежливо ответила Галина, хотя знала, что серый — это цвет отсутствия. Цвет, который не привлекает внимания. Безопасный цвет.

Она смотрела на юбиляров. Они танцевали медленный вальс. Володя слегка припадал на левую ногу — старый перелом, — но Света вела его так нежно, будто он был хрустальным. Их лица светились изнутри, и Галина поняла вдруг, что они — Кораблёвы — счастливы не потому, что у них всё идеально. А потому что они вообще не думают о том, идеально ли. Они просто живут. Дышат. Касаются друг друга.

Галина представила себя и Виктора на их пятидесятилетии. Если они доживут. Будет ещё один банкет, ещё один стол, ещё один тост. И Виктор скажет: «Мы прожили пятьдесят лет, Галина Аркадьевна, как по плану. Благодарю за добросовестное исполнение супружеских обязанностей». А потом поправит галстук и скажет, что завтра в семь утра совещание.

Она поднесла к губам бокал, но не выпила. Шампанское горчило.

Домой они возвращались в пол-одиннадцатого. Виктор вёл машину молча, периодически поглядывая на навигатор, хотя дорогу знал наизусть. Он включил радио — «Бизнес FM», — и всю дорогу говорили про курс доллара. Галина смотрела в окно на мокрый асфальт, на редкие фонари, и думала о том, как Света положила голову на плечо Володе, когда они уезжали, а он придержал дверцу такси рукой, чтобы она не ударилась.

Витя никогда не придерживал дверцу. Он считал, что женщина должна быть самостоятельной. И она была. Все сорок пять лет была.

Дома она прошла на кухню, поставила чайник. Виктор, не раздеваясь, прошёл в кабинет — у него был ночной звонок в Китай. Перед тем как закрыть дверь, он бросил:

— Галина Аркадьевна, завтра утром я улетаю. Командировка в Сочи, конференция. Ты собери мне чемодан к пяти утра: костюм, две рубашки, туалетные принадлежности. И галстук синий, тот, что я носил на подписании контракта.

— Хорошо, — сказала она, глядя в кружку, где заваривался ромашковый чай.

— И не забудь мои таблетки от давления.

— Я помню.

Дверь кабинета закрылась. Щёлкнул замок.

Галина осталась одна на кухне. Она выключила верхний свет, оставила только подсветку над плитой. Села за стол и обхватила кружку ладонями. Тёплый фарфор приятно грел пальцы. Она думала о том, что уже много лет её руки не знают других рук. Только горячие чашки, только холодные дверные ручки, только плечики с одеждой. Она помнила, как когда-то, очень давно, до замужества, она любила рисовать. Акварелью. Она знала, как смешивать ультрамарин и белила, чтобы получился цвет утреннего неба. Она держала кисточку и чувствовала, как та живёт в её пальцах.

Где это сейчас? Где тот этюдник, который она привезла из родительского дома? На антресолях, наверное. Заваленный коробками с новогодними игрушками и старыми бумагами. Она вдруг отчётливо представила его — потёртый, в синих разводах краски, с отломанной застёж-

кой. Он лежит там, на самом верху, и ждёт. Ждёт, пока она вспомнит, что умеет не только считать цифры в балансе и гладить рубашки.

Она допила чай, поставила кружку в раковину и пошла в спальню. Прилегла на край кровати, не раздеваясь, потому что знала: через час Виктор выйдет из кабинета и скажет, чтобы она не мешала ему спать. И ей всё равно пришлось бы встать и переодеться в приличную ночную рубашку, закрывающую плечи.

Она лежала в темноте и смотрела на лепнину на потолке. Серая, как и всё в её жизни. И вдруг услышала, как за стеной — у соседей — заиграла музыка. Старая, забытая песня. Что-то из «Машины времени». «За тех, кто в море...» Галина не знала текста, но мелодия была до боли знакома.

Она закрыла глаза, и в них всё ещё стояло лицо Светы Кораблёвой — счастливое, настоящее. А перед внутренним взором возник антресольный угол, заваленный хламом, и там, среди пыли, лежал этюдник. Синий, с отломанной застёжкой.

— Галка, — прошептала она себе в подушку. — Ты же умела летать.

Но в голосе не было уверенности.

Она не спала всю ночь. Она лежала, считая удары собственного сердца, и слушала, как Виктор всхрапывает на своей половине кровати. Между ними была пропасть в сорок пять лет привычки. И Галина Аркадьевна Воронцова впервые в жизни подумала: «А что, если я не хочу быть приличной? Что, если я хочу... жить?»

За окном занимался серый московский рассвет. И где-то там, в Сочи, уже сияло море, о котором она даже не мечтала.

Но она ещё не знала, что через два дня возьмёт с собой в командировку мужа старый этюдник.

И это станет первым шагом к крушению всего «приличного» мира.

## Глава 2. Антресоли

Галина Аркадьевна проснулась за десять минут до будильника — старый рефлекс, выработанный за десятилетия. Она открыла глаза и сразу увидела ровный прямоугольник серого света, падающий из окна на потолок. Рядом, на своей половине кровати, лежал Виктор Павлович — на спине, с приоткрытым ртом, руки поверх одеяла, как у покойника на параде. Он уже не храпел, но дыхание было тяжелым, с металлическим присвистом, будто внутри него работал старый компрессор.

Галина бесшумно поднялась. Прошлепала босыми ногами в ванную, взяла щетку и остановилась перед зеркалом. Оттуда на неё смотрела женщина, которой все давали пятьдесят пять, хотя ей было пятьдесят восемь. Кожа ещё гладкая — наследственное от матери, спасибо, — но под глазами легли тени, словно кто-то провел по лицу мокрой тряпкой. Она провела пальцем по морщинке у губ и подумала: «Интересно, Светка Кораблёва тоже каждое утро разглядывает себя, как экспонат?»

Она быстро привела себя в порядок, надела халат — старый, махровый, с выцветшим узором, — и вышла на кухню. За окнами серел московский ноябрь. Холодный, промозглый, с мелким противным дождем, который стучал по стеклу так, будто кто-то нетерпеливо перебирал горох. Галина включила чайник, достала из холодильника творог и помидоры. Завтрак должен был быть ровно в шесть тридцать, и он должен был быть правильным: для Виктора — омлет с зеленью и чёрный чай без сахара, для неё — творог и зелёный чай. Так было всегда. Так было сорок пять лет.

Она готовила механически — руки знали последовательность движений лучше, чем голова. Пока омлет шипел на сковороде, она достала утюг и начала гладить рубашку, которую муж небрежно повесил на спинку стула вечером. Светло-голубая, с идеальными стрелками, цена — как месячная зарплата рядового бухгалтера. Она водила утюгом по шву, и в этом движении было что-то медитативное, почти гипнотическое. Раз-два, раз-два. Никаких мыслей. Никаких чувств.

— Галина, — раздался голос из коридора.

Она не вздрогнула — привыкла. Виктор Павлович стоял в дверном проеме, уже в брюках, с мокрыми волосами. Он смотрел на неё с тем выражением, которое она называла «холодным контролем»: ни одобрения, ни недовольства, просто констатация факта.

— Омлет готов? — спросил он. — И рубашку принеси, я не буду надевать ту, что вчерашнюю.

— Готова. Сейчас принесу, — сказала она, отключая утюг и аккуратно вешая рубашку на плечики. — Садись.

Виктор прошел к столу, сел на своё место — то, что ближе к окну. Он всегда сидел с видом на улицу, даже если дождь и серость. «Чтобы видеть перспективу», — объяснял он, хотя Галина знала, что на самом деле ему просто нравится контролировать пространство.

Она поставила перед ним тарелку с омлетом, налила чай. Он взял вилку и начал есть, даже не взглянув на неё. Жевал размеренно, методично, как человек, который привык пережевывать пищу столько же раз, сколько пережевывает отчеты. Галина села напротив и взяла ложку.

Завтрак проходил в тишине. Только тиканье настенных часов и шум дождя за окном. В какой-то момент Виктор поднял голову:

— Чемодан собрала?

— Почти. Я только не положила туда твой свитер, ты же говорил, что в Сочи тепло.

— Не тепло, а прохладно. Вечерами конференц-зал проветривают, кондиционеры на полную мощность. Я сказал: синий галстук и две рубашки. Больше ничего не надо. И лекарства — не забудь, а то прошлый раз ты положила мне пустышку от кашля вместо давления.

— Прости, я перепутала коробки, — сказала она с привычной виноватой интонацией.

— Ошибки в системе недопустимы, — отрезал он, поднимаясь. — Я буду через час, водитель заедет в семь тридцать. Проверь, чтобы на столе не осталось крошек.

Он вышел из кухни, и Галина снова осталась одна. Она сидела и смотрела в тарелку с остывшим творогом. Внезапно ей показалось, что комната стала меньше — стены поползли друг к другу, сжимая её со всех сторон. Она поднялась, быстро убрала со стола, сполоснула посуду. И тут, проходя мимо прихожей, вспомнила.

Этюдник. Он лежит там, на антресолях. Она посмотрела наверх, на задвинутую дверцу шкафа, которую они не открывали годами. Зачем он ей? Она ведь уже давно не рисует. Она вообще ничего не делает, что не связано с уборкой, стиркой, гладкой и балансами. Но там, внутри, пульсировало странное, дикое любопытство — просто посмотреть. Прикоснуться к прошлому.

Она поставила стул, забралась на него и с усилием потянула на себя тяжелую дверцу. Там, в глубине, среди пыльных коробок с новогодними игрушками и старыми журналами, лежал он — потёртый кожаный этюдник, когда-то синий, а теперь выцветший до тускло-серого. Она взяла его обеими руками и осторожно спустила вниз.

В руках он показался тяжелее, чем она помнила. От него пахло пылью, старой бумагой и чем-то сладковатым — может быть, остатками красок или лаком, которым она когда-то покрывала рисунки. Она сняла потрескавшуюся застёжку и открыла.

Первое, что она увидела, был автопортрет. Нарисованный в те годы, когда она ещё была не Галиной Аркадьевной, а просто Галей — тонкой, темноглазой девушкой с высокими скулами и дерзким изгибом брови. Она смотрела с пожелтевшего листа прямо на себя нынешнюю, и во взгляде той, молодой, было столько вызова, что у Галины перехватило дыхание. Она помнила этот рисунок — она сделала его на последнем курсе техникума, перед защитой диплома. Тогда она мечтала о том, чтобы стать художником-оформителем, а стала бухгалтером. Потому что надо было зарабатывать, потому что родители не могли платить за частную академию, потому что Виктор Павлович сказал: «Сначала выучимся на практике, а там посмотрим».

Она провела пальцем по хрупкой бумаге. Девушка смотрела на неё с укором: «Ты чего, Галя? Почему ты не пошла за своей мечтой? Где твоя акварель? Где рассветы, которые ты так любила рисовать?»

Галина почувствовала, как к горлу подступает ком. Она быстро захлопнула этюдник и сунула его под диван, чтобы муж не увидел, если вдруг вернется.

Через полчаса она стояла в прихожей и смотрела, как Виктор застёгивает плащ перед зеркалом. Он был идеально собран: костюм, синий галстук, кожаный портфель, в руке — борсетка с документами.

— Галина Аркадьевна, — сказал он, повернувшись к ней, — я улетаю на три дня. В понедельник вернусь. Ты остаёшься за главную по дому. В холодильнике — продукты на два дня, закажешь доставку, если надо. Окна не открывай, сквозняк. На моём столе лежат квитанции за ЖКХ, оплаты до пятницы.

— Хорошо, Виктор Павлович, — сказала она. — Я всё сделаю.

Он шагнул к ней, на мгновение задержался. Галина инстинктивно прикрыла глаза, ожидая, что он поцелует её в щёку — как обычно, сухо и механически. Но Виктор только поправил у неё на плече воротник халата и сказал:

— Сходи к парикмахеру. Серые корни уже видны. Ты же приличная женщина, Галина Аркадьевна.

И вышел.

Дверь захлопнулась. Щёлкнул замок. Галина постояла в прихожей, глядя на запёртую дверь. Потом медленно прошла в гостиную, села на диван и вытащила из-под него этюдник. Она снова открыла его и перебрала рисунки: несколько пейзажей — берег Оки, старый дуб,

закат над заводским прудом. Портрет матери — той, что умерла десять лет назад. И набросок мужской руки — сильной, с длинными пальцами. Это была рука того самого парня, который звал её в Москву поступать в художественный. Он уехал, она осталась. Она вышла замуж за Виктора Воронцова, который был надёжным, как кирпичная стена.

Галина закрыла глаза и вдруг увидела — отчётливо, как наяву, — рассвет. Серо-голубое небо, полоску золота над горизонтом, чаек над водой. И она стоит с кистью и смешивает ультрамарин с белилами, чтобы поймать этот цвет — неуловимый, живой, настоящий.

Она открыла глаза. В комнате было серо и тихо. На кухне капала вода из крана. Виктор улетел в Сочи, в тот самый город, где море. И в тот же миг у неё в голове возникла безумная мысль — тихая, пугающая и одновременно освобождающая.

«А что, если я полечу с ним?»

Она тут же отбросила эту мысль. Нелепость. У неё нет командировки, нет работы в Сочи, нет никакой причины. Её место — здесь, на кухне, у плиты, у утюга. Она приличная женщина.

Но пальцы уже сжимали край этюдника. Старая кожа скрипела под пальцами, как будто говорила: «Давай. Смелее».

Она поднесла этюдник к себе, понюхала. Запах детства, запах свободы. И впервые за много лет Галина Аркадьевна позволила себе маленькую шалость.

Она взяла телефон, открыла приложение «Аэрофлот» и проверила, есть ли ещё билеты на сегодняшний рейс до Сочи.

Билеты были.

### Глава 3. Незванный рейс

Ноябрьское утро в Москве было похоже на застарелый синяк — багрово-серое, с желто-зелеными разводами облаков у горизонта и мелкой, липкой изморосью, которая въедалась в кожу холоднее, чем настоящий дождь. Город просыпался нехотя, как старик с большими суставами; по Садовому кольцу ползли автомобили с включенными фарами, их красные хвосты стекались в одну длинную кровавую жилу, пульсирующую в такт светофорам. Ветер, сырой и резкий, гнал по тротуарам пожухлые листья — последние свидетели осени, которая уже сдала свои позиции зиме. Часы на башне Киевского вокзала показывали семь пятнадцать, когда Галина Аркадьевна вышла из подъезда своего дома и остановилась на мгновение, глядя в это промозглое утро.

В её руке был небольшой кожаный саквояж — тот самый, с которым она ездила к матери в Нижний, когда та болела. В саквояже лежало сменное белье, косметичка, пара книг и этюдник. Старый, потёртый, с отломанной застёжкой, он едва поместился, и пришлось чуть придавить сверху, чтобы застегнуть. Галина чувствовала его тяжесть даже через плотную кожу — она везла с собой не просто краски, она везла ту себя, которую похоронила на антресолях сорок лет назад.

— Галина Аркадьевна! — раздался сзади звонкий голос, и она обернулась.

Из соседнего подъезда выбегала тётя Клава, старая жиличка, которая знала всех в доме и всех осуждала. На ней был вязаный берет и кроличий жилет, от которого пахло нафталином. Её маленькие, хищные глазки прищурились при виде саквояжа.

— Уезжаете куда? — спросила она с той жадной интонацией, с которой обычно спрашивают про болезни и разводы.

— В командировку, — неожиданно для себя выпалила Галина. — По работе. В Сочи.

Тётя Клава округлила глаза, и Галина почти услышала, как в её голове закипает сплетня, готовая выплеснуться по всему подъезду. — Да что вы? А я думала, ваш муж уже улетел, я видела, как он в такси садился.

— Мы разными рейсами, — соврала Галина и, чтобы не продолжать, заспешила к остановке такси. — До свидания, тётя Клава!

Она почти бегом дошла до угла, поймала машину и, усевшись на заднее сиденье, выдохнула. Водитель — молодой парень с татуировкой на шее — скосил на неё взгляд в зеркало заднего вида и спросил:

— Куда, бабуль?

— В аэропорт Внуково, — сказала она, и голос её дрогнул. «Бабуль». Ей было пятьдесят восемь, но внутри она чувствовала себя сейчас не бабушкой, а безрассудной девочкой, которая сбегает из дома. Она даже улыбнулась этому сравнению — глупому, неуместному, но сладкому, как первая любовь.

В такси она достала телефон и набрала сообщение мужу: «Виктор Павлович, я лечу в Сочи. Срочная командировка от главного бухгалтера — проверка филиала. Прилечу сегодня вечером. Жди меня в гостинице. Я возьму ключ на ресепшн».

Она нажала «отправить» и затаила дыхание. Что он ответит? Выдаст гневный монолог о том, что она нарушает планы? Или просто отпишет: «Ок»? Но телефон молчал. Виктор, вероятно, уже был в самолёте или на совещании. Она убрала мобильник в карман и отвернулась к окну.

Машина неслась по Можайскому шоссе, и за стеклом проплывали стандартные московские окраины: серые панельные многоэтажки с облупившейся краской, пустые площадки с качелями, на которых никто не качался, редкие прохожие, кутающиеся в капюшоны и шарфы.

Всё это было привычным, родным и вдруг — чужим. Как будто она смотрела на декорации к фильму, в котором играла не главную роль. Она всегда была статисткой, частью общего плана.

Аэропорт встретил её гулом голосов, запахом кофе и пластика, мельканием электронных табло. Галина остановилась у стойки регистрации и дрожащими руками протянула паспорт.

— Рейс Москва — Сочи, вылет в 10:45, — сказала девушка за стойкой. — Одно место багажа?

— Да, — ответила Галина, хотя в саквояже было всего ничего.

Она прошла досмотр, купила кофе, села у большого панорамного окна и стала смотреть на взлётное поле. За стеклом — серое небо, низкое и тяжёлое, как крышка от старого сундука. Самолёты разбежались и взлетали, оставляя за собой инверсионные следы, которые медленно таяли, растворяясь в облаках. И вдруг она поймала себя на мысли, что смотрит на эти следы и почти завидует им — они хотя бы оставляют след, они хотя бы куда-то летят.

Она вспомнила, как много лет назад, когда ей было двадцать два, она так же сидела в аэропорту, только тогда она провожала того самого парня с красивой рукой. Он улетал в Ленинград поступать в Академию художеств. Он обещал, что заберёт её. Она ждала три месяца, потом полгода, потом нашла успокоение в объятиях Виктора — надёжного, стабильного, который сразу сказал: «Выходи за меня, я тебя обеспечу. Хватит мечтать о туманах». И она вышла. И туманы исчезли. Остались только счета, графики и обязательства.

Она не заметила, как объявили посадку. Встала, взяла саквояж и пошла к выходу. Сердце стучало где-то в горле, когда она отрывала талон и ступала в рукав трапа. Внутри самолёта пахло керосином и воздухом, который уже не был московским. Она села у окна, пристегнула ремень и прижалась лбом к прохладному иллюминатору. Самолёт катился по взлётной полосе, разгоняясь, и Галина закрыла глаза.

Она не молилась — она никогда не была религиозной, — но внутри неё звучала единственная фраза, сказанная когда-то её матерью: «Галя, счастье — это когда твоя душа летит туда, где твоё тело ещё не бывало». Тогда она не поняла этой фразы. А сейчас поняла.

Взлёт. Толчок, и земля уходит из-под ног, превращаясь в измятое одеяло из полей, рек и крыш. Москва с её серостью остаётся далеко внизу, а там, впереди, уже виднеются проблески солнца, пробивающиеся сквозь разрывы облаков. Галина открыла глаза и посмотрела в иллюминатор. Там, внизу, лежала её прежняя жизнь. А впереди — город, которого она никогда не видела.

Она достала из саквояжа этюдник, положила его на колени и провела рукой по потрескавшейся коже. Краски были внутри — старые, сухие, почти забытые. Но где-то там, в Сочи, было море. И она хотела попытаться нарисовать его, прежде чем вернуться обратно в свою клетку.

Она не думала о том, что скажет Виктор, когда увидит её на пороге гостиницы. Она не думала о том, как объяснит ему свой поступок. Она просто смотрела в иллюминатор и вдыхала воздух свободы, который пахнет не московской сыростью, а солью и далью.

Самолёт разрезал облака, и на мгновение они оказались над сплошным морем белого пуха. Солнце ослепило глаза, и Галина зажмурилась.

Когда она открыла глаза, то поняла: она уже летит не в Сочи. Она летит в свою жизнь.

Сочи встретил её теплом — тем влажным, южным теплом, которое в ноябре кажется почти неприличным после московского холода. Она вышла из самолёта, и воздух обнял её со всех сторон — пахло хвоей, морем, цветами, которые умудрялись цвести здесь даже в ноябре. Небо было высоким и прозрачным, в нём плыли редкие перистые облака, похожие на птичьи перья. Горы — тёмно-синие, почти фиолетовые в этот предвечерний час — стояли на горизонте, как древние стражи, охраняющие покой города.

Галина взяла такси и назвала отель — тот самый, где, по словам мужа, проходила конференция. По пути она смотрела на пальмы, на кафе с открытыми верандами, на людей в лёг-

ких куртках — и всё это казалось сном, в котором она была незваной гостьей. Машина поднималась вверх по серпантину, и с каждым поворотом открывались всё новые виды на море — бескрайнее, синее, с лёгкой золотистой рябью на закате.

— Приехали, — сказал таксист.

Галина вышла, взяла саквояж и подняла голову к зданию отеля. Белое, с колоннами и пальмами у входа, оно выглядело как дворец из старого фильма. Там, внутри, был Виктор. Но она не пошла в номер. Вместо этого она подошла к парапету, выходящему на море, и остановилась.

Солнце уже почти село, окрасив небо в роскошные оттенки — от охры и малинового до глубокого ультрамарина, который переходил в фиолетовый. Галина вспомнила свою акварель. Она столько раз пыталась поймать этот цвет, но у неё никогда не получалось. Сейчас она стояла и смотрела на закат, и внутри неё, где-то в самом низу живота, разливалось что-то светлое, почти забытое.

— Так вот ты какое, море, — прошептала она.

Чайки кружили над водой, и их крики казались смехом. Ветер шевелил её волосы, и она внезапно почувствовала себя не Галиной Аркадьевной, а просто Галиной — той, что умела мечтать.

Она сжала ручку саквояжа и сказала себе:

— Завтра я нарисую этот закат.

А потом развернулась и пошла в отель.

## Глава 4. Лобби и ультрамарин

Сочи просыпался не так, как Москва. Здесь утро начиналось не с серой тоски и шума шин по мокрому асфальту, а с мягкого, золотистого света, который просачивался сквозь жалюзи и ложился на пол отельного номера длинными, тёплыми полосами, похожими на кошачьи лапы. Ноябрьское солнце на юге было совсем иным — не колючим и холодным, а ласковым, чуть маслянистым, как будто кто-то разлил по небу жидкое золото. За окнами стояла субтропическая тишина, нарушаемая только редкими криками чаек и шелестом пальмовых листьев, которые ветер гнал волнами, словно зелёное море. Воздух был влажным и густым, от него кружилась голова — не от духоты, а от непривычной лёгкости, от того, что можно дышать полной грудью, не боясь, что в лёгкие попадёт московская гарь и выхлопные газы.

Галина Аркадьевна стояла у окна своего номера на седьмом этаже и смотрела на море. Оно лежало внизу — гладкое, серебристо-голубое в этот ранний час, с едва заметной рябью, которая переливалась на солнце, как чешуя гигантской рыбы. Вдалеке угадывался силуэт грузового судна, маленького, как игрушечного, и где-то на горизонте небо сливалось с водой в единую акварельную линию — ту самую, которую она столько лет пыталась поймать на бумаге, но никогда не видела вживую.

Она не спала почти всю ночь. Сначала — потому что не могла привыкнуть к необычной тишине, к тому, что за стеной не слышно дыхания Виктора, а в коридоре — шагов соседей. А потом — потому что её разбудил мужской голос, раздавшийся за дверью соседнего номера в два часа ночи. Она узнала этот голос сразу — низкий, с металлическими нотками, привыкший командовать и ставить задачи.

«Галина Аркадьевна? — думала она, лёжа на кровати и глядя в потолок, на котором танцевали тени от уличных фонарей. — Ты с ума сошла. Ты приехала в Сочи без приглашения. Ты не знаешь, где будет заседание. Ты не знаешь, что делать».

Она встала, надела лёгкое платье — светлое, льняное, то самое, которое много лет висело в шкафу и ждало случая, которого не было. И вышла в коридор.

В гостиничном лобби было просторно и светло. Высокие колонны из мрамора, хрустальные люстры, огромные вазы с живыми орхидеями — фиолетовыми и белыми, как крылья экзотических бабочек. Люди в деловых костюмах с бейджиками на груди неторопливо перетекали из одного зала в другой, держа в руках чашки кофе и планшеты. Конференция уже началась. Галина заметила вывеску: «Зал "Южный". Пленарное заседание». Она сделала шаг в ту сторону, но потом остановилась. Она не хотела входить. Она не хотела быть тенью, которая сидит сбоку и ждёт, пока муж закончит совещание.

Вместо этого она повернула к выходу.

За стеклянными дверями отеля мир был совсем другим — тёплым, зелёным, наполненным ароматами цветущих кустарников и свежей морской солью. Широкая набережная тянулась вдоль моря, и Галина пошла по ней, не зная, куда идёт. Пальмы росли прямо из асфальта, их тени ложились длинными кружевными узорами. Мимо пробежали люди в спортивных костюмах, ехали велосипедисты, дети с воздушными шарами. Всё это было так непривычно, так чуждо её московской жизни, что она чувствовала себя космонавтом, ступившим на другую планету.

Она дошла до небольшой бухты, где стояли скамейки, и села. Перед ней простиралась вода — бирюзовая у берега, синяя на горизонте, с белыми барашками волн, которые с тихим шелестом разбивались о гальку. Солнце уже поднялось выше, и его лучи дробились на поверхности воды, создавая тысячи бликов, похожих на монетки. Галина закрыла глаза и подставила лицо ветру.

Внезапно она услышала шаги. Кто-то подошёл и остановился рядом. Она открыла глаза.

Перед ней стоял мужчина. Лет пятидесяти пяти, с сединой на висках, в простой полотняной рубашке с закатанными рукавами и старых джинсах. В руках он держал тонкую папку с бумагами. Он смотрел на море, а не на неё, но в его позе чувствовалось что-то спокойное, почти медитативное.

— Вы тоже сбежали с конференции? — спросил он, не оборачиваясь.

Голос у него был мягкий, с лёгкой хрипотцой, и Галина вздрогнула. Она смотрела на его руки — широкие ладони, длинные пальцы, — и почему-то подумала о том парне, который когда-то держал её кисть. Совпадение? Может быть.

— Нет, я не с конференции, — осторожно ответила она. — Я... просто отдыхаю.

— И правильно, — сказал он и повернулся к ней. Глаза у него были тёплые, карие, с лёгкой сеточкой морщин в уголках. — Я тоже не люблю заседаний. Особенно в такую погоду. Очень глупо сидеть в душном зале, когда за окном — Сочи.

Он улыбнулся, и Галина почувствовала, как у неё внутри что-то дрогнуло. Не от романтики, а от того, что он говорил так просто и легко, будто они знакомы тысячу лет.

— Сергей, — представился он, протягивая руку. — Сергей Валентинович. Главный инженер с соседнего завода. Приехал на конференцию по кооперации.

— Галина, — сказала она и пожала его ладонь. Пальцы у него были тёплые и сухие, и рукопожатие было уверенным, но не стальным, как у Виктора. — Галина Аркадьевна.

— Приятно познакомиться, Галина Аркадьевна, — произнёс он, и в его голосе было что-то такое, от чего она почувствовала себя моложе. — Вы не против, если я составлю вам компанию? Там, в зале, сейчас обсуждают поставки металлопроката, а я уже устал от цифр. Хочется просто посмотреть на море.

Она кивнула, не в силах отказать. Он сел на соседний край скамейки, оставив между ними приличное расстояние, и тоже уставился на воду.

— У вас очень спокойный взгляд, — вдруг сказал он. — Как у человека, который умеет ждать.

Галина смутилась. Она не знала, что ответить — комплименты были для неё настолько редкими, что она почти забыла, как на них реагировать.

— Я просто смотрю на море, — сказала она. — У нас в Москве такого нет.

— А вы, наверное, любите рисовать? — спросил он, и Галина вздрогнула. Откуда он знает?

— Почему вы спросили?

— По рукам, — просто ответил Сергей. — У людей, которые работают с бумагой и цифрами, пальцы сухие и жесткие. А у вас — я заметил — пальцы чуть согнуты, как будто вы держите тонкую кисточку. Я в молодости учился в художественной школе, так что знаю.

Галина почувствовала, как сердце забилось быстрее. Она посмотрела на свои руки и вдруг увидела их как будто со стороны: длинные, тонкие пальцы, которые сорок лет перебирали бумаги и стирали пыль. И он, этот незнакомый инженер, заметил то, что не замечал муж сорок пять лет.

— Да, — тихо сказала она. — Я когда-то рисовала. Но это было давно.

— Почему «было»? — мягко спросил Сергей. — В Сочи сейчас свет — лучший в году. Не жарко, не холодно. И цвет неба здесь такой, что его хочется поймать. Я, если честно, сам иногда беру альбом, хотя и не умею. Но это успокаивает.

Он вытащил из кармана рубашки потрёпанный блокнот и показал ей. На обложке были нарисованы цветы — небрежно, по-любительски, но с теплотой.

— Видите, я тоже пытаюсь, — сказал он. — Жена моя умерла три года назад. Она любила рисовать. И я, когда рисую, будто с ней разговариваю.

Галина смотрела на блокнот, и в горле у неё застрял ком. Она вдруг представила, как этот мужчина сидит один в пустой квартире и рисует цветы, чтобы не чувствовать себя совсем одиноким. И ей стало стыдно за свои жалобы.

— Простите, я не хотела... — начала она.

— Не извиняйтесь, — перебил он. — Жизнь есть жизнь. Иногда кажется, что всё кончено, а потом вдруг — открывается новое небо.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде было столько понимания, что Галина едва не заплакала.

Они сидели на скамейке почти час. Сергей рассказывал о своём заводе, о том, как конструировал новые станки, как ездил в командировки в Сибирь. Он говорил без пафоса, без желания произвести впечатление — просто делился. А Галина слушала и удивлялась тому, как с ним легко, будто они давние друзья, которые встретились случайно и теперь не хотят расставаться.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.